
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ
Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

*Ц. Дамдинсурэн (1907—1986) — выдающемуся
ученому-монголоведу, писателю, поэту,
одному из основоположников
монгольской литературы —
посвящается*

Цэндийн Дамдинсурэн

А. Д. Цендина

Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна

Насколько фигура Ц. Дамдинсурэна в монгольской науке типична, настолько она и неординарна. Он родился в 1907 г. (официальная дата — 14 сентября 1908 г.) на востоке Монголии, в хошуне Матадхан-ул тогдашнего Цэцэнхановского аймака. Его отцом был чиновник невысокого ранга мэйрэн Цэнд, известный в хошуне знаток монгольского письма. Семья, к которой он принадлежал, вообще отличалась высокой культурой. Ц. Дамдинсурэн с благодарностью вспоминал отца Цэнда, деда Рэгдзэндоню и дядю Балдан-аджу, выучивших его монгольской грамоте, начаткам тибетского письма и еще в детстве прививших интерес к родной литературе и истории. Однако свою активную жизнь он начал, как, впрочем, и большинство образованной молодежи Монголии того времени, как общественный и политический деятель. В 1923 г. Дамдинсурэн поступил писарем в хошунную администрацию, откуда в 1925 г. ушел на военную службу. В 1926 г. он уже работник комитета партии в Ханхэнтэй-ульском аймаке. В том же году его избирают членом президиума ЦК Ревсомола Монголии, а в 1929 г. он становится

Ц. Дамдинсурэн с сотрудниками монгольского кабинета
Института востоковедения (г. Ленинград)

Слева направо: Л. С. Пучковский, Т. А. Бурдукова,
Ц. Дамдинсурэн, А. П. Канаков, А. И. Воробьева,
Д. А. Алексеев

(из личного архива семьи А. В. Бурдукова)

председателем Комитета профсоюзов. Войдя в кружок революционных писателей Монголии, он начинает писать. В 1929 г. вышла его первая повесть «Отвергнутая девушка». В 1931 г. он уезжает в Улан-Удэ, где работает консультантом-переводчиком, в 1932 г. поступает в Комитет наук Монголии, а в 1933 г. уезжает на учебу в Ленинград. Годы, проведенные в Ленинграде (1933—1938, сначала — в Институте народов Севера, а с 1934 г. — в Институте востоковедения), общение там с крупнейшими монголистами и другими советскими востоковедами того времени оказали решающее влияние на формирование его научных интересов. Во всяком случае, с начала 40-х гг. (весь 1939 г. он провел в тюрьме в Монголии, где находился по обвинению в панмонголистической деятельности) он постепенно обращается к научной деятельности. Составление новой орфографии монгольского языка (1946) и перевод на современный язык «Сокровенного сказания» (1944—1947) потребовали от него усилий ученого-исследователя. В годы войны он работает редактором газеты «Унэн». Но поступив в 1946 г. в аспирантуру в Ленинградский институт востоковедения, он окончательно избирает путь ученого. И хотя его деятельность продолжает оставаться разносторонней (в 1950—1953 гг. он работает председателем Монгольского комитета наук, в 1953—1955 гг. — секретарем Союза монгольских писателей, занимается преподавательской деятельностью, много пишет, избирается депутатом Народного хурала МНР, затем председателем Малого хурала МНР, занимает многочисленные общественные посты и т. д.), но наука, пожалуй, занимает в ней главное место. Все его должности начиная с 60-х гг. (в 1959—1963 гг. — директор Института языка и литературы АН МНР, затем старший научный сотрудник этого института, зав. сектором тибетологии) и длительные заграничные командировки (Ленинград — 1970—1973, Берлин — 1979—1982) связаны с научной работой.

Редкому ученому выпадает честь стать символом учености и национального достоинства для своего народа, а именно таковым был и остается Ц. Дамдинсурэн. Причины этого кроются, на мой взгляд, в его многолетних усилиях по сохранению культурного наследия монголов, в широком просветительском ха-

Ц. Дамдинсурэн с чешским писателем Кохут в Праге
1954 г.

(из личного архива семьи Л. К. Герасимович)

рактуре его научной деятельности и в огромной роли в становлении всей филологической науки Монголии.

Прежде всего хочется сказать несколько слов об одном из главных занятий его жизни, во многом послужившем и основой его исследовательской работы, — о собирательстве книг. Всю свою сознательную жизнь и во все не очень благоприятные в этом плане времена (а благоприятных, к сожалению, на его долю почти и не выпало) Ц. Дамдинсурэн с упорством и постоянством разыскивал по всей Монголии редкие рукописи и ксилографические издания монголов, часто, таким образом, сохраняя для науки и культуры ценные памятники литературы. Почти каждое лето он, в последние годы уже не очень молодой человек, садился в машину и ехал по различным районам Монголии, где приобретал книги для Государственной библиотеки, библиотеки Института языка и литературы и личной коллекции. Он был тонким и изобретательным в общении с людьми, часто боявшимся признаться в хранении старых книг. Так им была собрана замечательная коллекция повествовательной литературы на монгольском и тибетском языках, переводов китайских романов, исторических сочинений, произведений монголов, писавших по-тибетски, собраний сочинений известных монгольских литераторов, религиозных трактатов и т. д. Например, в его личной библиотеке, которая теперь находится в его музее-квартире в г. Улан-Баторе, хранятся полное собрание «Ганджура» на тибетском языке (ургинское издание), редкая рукопись «Молон-тойна» с рисунками, рукописи произведений Равджи, большое количество вариантов «Субхашиты» Сакья-пандиты на тибетском и монгольском языках, «Сумбум» Сумба-хамбо и пр.

Многие из собранных им рукописных и ксилографических текстов послужили основой для большого количества публикаций памятников литературы монголов. Вообще, издательская деятельность Ц. Дамдинсурэна имела целью не только сделать их доступными научной общественности, но и сохранить богатейшее письменное наследие монгольских народов, а также дать возможность людям пользоваться плодами своей культуры, приобщить их к ней. Первым таким крупным предприятием Ц. Дамдинсурэна явился перевод на современный монгольский язык «Сокровенного сказания», осуществленный им к 800-летию этого замечательного памятника. Это был не научный персвод, что отмечалось и им самим. Но издание достигло своей цели — теперь почти каждый

монгол знает «Сокровенное сказание». Кроме того, перевод не лишен и научной ценности, в нем много по-настоящему научных решений и прочтений; недаром ни один исследователь этого памятника не прошел мимо него. Вторым изданием такого рода стали знаменитые «Сто образцов монгольской литературы» (1959). Они сыграли огромную роль в развитии монгольской филологической науки и культуры в целом и до сих пор не потеряли своего значения. Впоследствии и сам Ц. Дамдинсурэн считал ошибочным некоторое исправление текстов, сокращения и пр., произведенные им в данном издании, что отражало уровень монгольской науки того времени и некое традиционное для монгольской культуры отношение к тексту. Однако многие сочинения и в наше время остаются доступными для научного мира только в этом издании. Публикация «Гэсэр-хана» (1959, 1960) носила уже более научный характер. Подготовив сводный текст на основании многих версий и вариантов, Ц. Дамдинсурэн предпослал ему большое предисловие, сделал комментарии. Несколько иной характер носят его публикации монгольских и тибетских версий «Волшебного мертвеца» (1963, 1964), комментариев к «Капле, питающей людей» (1964, 1983). В них он старался представить все известные ему версии. Так, он опубликовал две версии «Волшебного мертвеца» и четыре версии комментария к «Капле», издал — в переложении на современную графику — монгольский перевод Чахар-гэвши знаменитого сочинения тибетца Сакья-пандиты «Субхашита» и комментарий к нему (1958; совместно с Ж. Дутэржавом); «Жизнеописание Лунной кукушки» (1962) и пр. Участвовал как редактор во многих публикациях, подготовленных его коллегами и учениками. В коллекции Ц. Дамдинсурэна остался незаконченный текст «Джангара», который он также намеревался издать. Все публикации, осуществленные Ц. Дамдинсурэном, отличаются большой текстологической подготовкой. Он всегда использовал все известные ему тексты, группируя их в версии или выбирая самые интересные и полные.

Ц. Дамдинсурэн в Ленинграде
в квартире-музее П. К. Козлова

Крупнейшим трудом Ц. Дамдинсурэна, посвященным исследованию старой письменной традиции монголов, делу, которому он отдал практически всю свою жизнь, явился I том «Обзора монгольской литературы» (1959). Эта книга стала значительным событием в монгольской филологии, заложившим основы ее классического направления. Он впервые дал также обобщенную картину монгольской литературы XIII—XVI вв., используя европейские научные работы, впервые полностью восприняв аналитические подходы мировой монголистики.

Пожалуй, основным направлением в его исследованиях было изучение тибето-монгольских и — шире — индо-тибето-монгольских литературных связей. Собственно, первый его труд, «Исторические корни Гэсэриады», защищенный им как кандидатская диссертация (1950) и вышедший в 1957 г., уже находился в русле этих интересов. Главную идею работы — о возникновении этой грандиозной эпической поэмы на основе реальных исторических событий — нельзя считать окончательно утвердившейся в науке, она до сих пор находит своих сторонников и противников. Но он впервые сделал общий обзор всех версий «Гэсэриады», сравнил их между собой, проанализировал огромное количество тибетских и монгольских материалов, касающихся проблемы происхождения поэмы. Это исследование и в наше время, когда гэсэроведение сделало большой скачок и составило целую отрасль науки, остается одним из основополагающих трудов в этой области.

Этой проблематике посвящена и серия его статей, большинство из которых первоначально явились введениями к изданиям памятников, а затем в расширенном и исправленном виде вошли во II том «Обзора монгольской литературы (XVII—XVIII вв.)» (1977). Это: «Тибетские, монгольские и индийские сказки „Волшебного мертвеца“», монгольские сборники рассказов из Панчатантры, три книги о Бигармиджид-хане, «Сказка о Небесной девушке», «Монгольские „Ганджур“ и „Данджур“ и их связь с монгольской художественной литературой», «Молон-тойн» и пр. В этих статьях Ц. Дамдинсурэн всегда стремился на основе тщательного сравнительного анализа найти среди монгольских версий первоначальный вариант, показать его самобытность. Надо сказать, что II том «Обзора монгольской литературы», вышедший под его редакцией, включающий его статьи и статьи его учеников и коллег, знаменует собой высокий уровень науки в Монголии в целом, а также показывает огромные творческие возможности самого редактора-составителя и главного автора. Этот труд — не побоюсь штампа — настольная книга каждого монголиста. Под его же редакцией выходит и III том «Обзора монгольской литературы (XIX в.)» (1968).

К подобного рода исследованиям примыкает и книга Ц. Дамдинсурэна, написанная в Ленинграде, «Рамаяна в Монголии» (1976). Как все его работы, она отличается тщательным изучением всех известных версий, замечательным комментарием, кратким, но емким введением. Он показал, что и среди монгольских народов бытовали переработанные версии известной во всей Южной и Юго-Восточной Азии поэмы «Рамаяна» (факт, до того времени почти не замечаемый наукой); исследовал, какие именно версии были распространены в Монголии, откуда они происходили, как были изменены и переосмыслены.

В последнее время Ц. Дамдинсурэн работал над большой проблемой, касающейся происхождения мифа о сказочной стране Шамбале. К сожалению, он не успел не только завершить эту работу, но и изложить целиком свою концепцию на этот счет. Им был написан только ряд статей, как бы предвещаю-

щих такое исследование: «Легендарная страна Шамбала», «О стихотворении Панчен-ламы Балдан-Еши „Лотосовые уста могущественного“». Его гипотеза сводилась к следующему. Миф о Шамбале возник на основании сочинений ламы Цилупа, посетившего в X в. ближневосточные страны и заимствовавшего отсюда новую систему астрологических вычислений. Поэтому-то в календарных расчетах тантрического направления, более всего связанного с мифом о Шамбале, так велико влияние «хиджры» — мусульманского календаря. Кроме того, Ц. Дамдинсурэн обнаружил параллели в мифе о Шамбале с описанием мусульманских святых сирийского города Алеппо. Он предполагал, что именно туда мог ездить Цилупа, и именно с этим регионом отождествлял он прекрасную страну Шамбалу. Все гипотезы Ц. Дамдинсурэна при всей их внешней неожиданности и даже парадоксальности всегда базировались на широчайшем знании источников и вносили в науку свежий взгляд, инициировавший и другие исследования. Этой идеей он был охвачен все последние годы.

Работы Ц. Дамдинсурэна в области изучения тибето-монгольских связей создали в монгольской науке целое направление, успешно развиваемое его учениками. Он показал, как формировалась письменная традиция монгольских народов, из чего складывалась, как перерабатывалась и осваивалась она иноземные заимствования. Он утвердил новые подходы в изучении старой монгольской литературы, отвергавшие упрощенные социальные или генетические принципы в ее определении. Известные идеи, господствовавшие в то время в монгольской гуманитарной науке, исключали возможность изучения «религиозной», «феодалной» литературы, под которую подпадали практически все произведения старой письменной традиции, а тем более связанные с тибетским культурным миром, что непоправимо искажало лицо монгольской словесности. Поэтому его усилия, предпринятые в этом направлении, были усилиями не просто ученого, а гражданина и очень мужественного человека. Возможно, неслучайно даже избрание им именно этой области науки; в его характере было стремление противостоять всему, что вредило, на его взгляд, национальной науке и культуре.

Ц. Дамдинсурэн никогда не считал себя языковедом, но работал он и в этой области. В начале 40-х гг. он создает новую орфографию монгольского языка. Значение этой работы выходит за рамки чисто научной проблематики, в свое время это был вопрос политического характера. (Да и сейчас он не потерял своей остроты.) Впоследствии Ц. Дамдинсурэн часто размышлял над тем, должен ли он был и мог ли избежать выполнения этой работы, порученной ему. Но он никогда не сомневался в научном качестве своего труда. Действительно, это была не просто новая орфография, это было новое письмо, основанное на живой речи, новый литературный язык. Работая над орфографией, он открыл неизвестные до этого фонетические законы монгольского языка. К другим его лингвистическим работам следует причислить составление и редактирование словарей — русско-монгольского и немецко-монгольского. Первый он выпустил совместно с Д. Лувсандэндэвом (1967, 1969), второй — с немецкими коллегами (1984). Работа над словарями была для него утомительной и кропотливой, требовала много времени и внимания. Но значение ее нельзя переоценить. До сих пор русско-монгольский словарь остается самым большим и популярным словарем среди всех монгольских словарей.

Все, большие и малые, работы Ц. Дамдинсурэна отличались исключительным знанием материала и научной литературы, тщательностью анализа, глубоко-

кой честностью, гражданской позицией и — при внешней сухости и нелюбви к обобщениям — видением проблемы в целом и в перспективе. Это ставит его исследования в один ряд с лучшими работами мировой монголистики. Живя в нелегкий период ис-

тории Монголии, он не избежал противоречий. Но на правах дочери осмелюсь сказать: большинство недостатков его работ — результат времени, а достоинства — плоды его личного труда, мужества и таланта.